

КРОВАВОЕ ПОБОИЩЕ В ИСАДАХ (1217 г.): РЯЗАНСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ

И. В. Денисова

Рязанские летописи Древней Руси не дошли до нашего времени, однако известно, что в разные столетия на Рязанской земле велись летописные записи. Большая часть историко-летописных известий о Рязани вошла в общерусские летописные своды; однако в их составе они были нерегулярны, редко связаны с предшествующими и последующими фрагментами.

Древнерусская литература знает множество произведений разных жанров, герои которых, одержимые дьяволом, по мнению книжника, совершают жестокие преступления, не заслуживающие никакого оправдания: «Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глѣба», «Повесть об ослеплении Василька Тербовльского», «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Фёдора», «Житие Михаила Ярославича Тверского» и др. «В средневековом обществе борьба доброго и злого начал составляет основу общественных отношений. Человек рассматривается своеобразным вместилищем добрых и злых сил. Однако человек не безволен в определении своего поведения: ему предоставлена свобода выбора между добром и злом. Все дела земные, дела человеческие — это одновременно и промысел потусторонних сил, и проявление воли самого человека»¹. Зачастую человек, ослеплённый иллюзией власти, славы или роскоши, делает осознанный выбор в пользу тёмных сил, что подчёркнуто осуждается книжниками.

В этом контексте прочитывается один из самых известных летописных сюжетов, который с различной степенью неодобрения вошёл в общерусские летописи, — описание кровавой распри, произошедшей в Рязанском княжестве в 1217 г. Старший рязанский князь Роман Глебович, «болеу долго, скончался», что послужило поводом для споров между младшими князьями за уделы. Глеб и Константин созвали братьев в село Исады, в 6 верстах от столицы княжества, для обсуждения вопроса о распределении рязанских уделов. За стенами шатров, в которых пировали гости, заговорщики спрятали вооружённых слуг вместе с половцами для свершения кровопролития. Когда пир был в самом разгаре, Глеб и Константин вдруг обнажили мечи и бросились на братьев. Изяслав, Кир Михаил, Святослав, Ростислав, Глеб и Роман погибли вместе с множеством бояр и слуг. Выжил только не успевший приехать к объявленному празднеству Ингварь Ингваревич, защищавший пределы Рязанского княжества от половецких захватчиков. Узнав о страшной трагедии, он попросил помощи у владимирского князя Юрия и объединёнными усилиями выгнал братоубийц из Рязани к их союзникам в те годы — половцам. Несколько раз беглецы принимали попытки возвращения домой, но всё тщетно. По мнению рязанского историка Д. И. Иловайского, Глеб Владимирович потерял разум, однако нужно учесть, что сумасшествие несправедливого князя традиционно интерпретировалось в русских

летописях как наказание для братоубийц² (также, например, закончил свою жизнь князь Святополк Окаянный, погубивший Бориса и Глеба). О Константине в дальнейшем упоминается в Симеоновской (конец XV в.), Тверской (XVI в.) и Никоновской (XVI в.) летописях: в 1241 г. в юго-западной Руси он находился на службе Ростислава Михайловича Черниговского, затем его след теряется.

Известие о кровавом происшествии в Исадах есть практически во всех известных в настоящее время летописях XIII–XVI вв.: Новгородской I старшего извода (XIII–XIV в.), Лаврентьевской (XIV в.), Троицкой (начало XV в.), Софийской I старшего извода (XV в.), Никаноровской (вторая половина XV в.), Ермолинской (конец XV в.), Симеоновской, Московском летописном своде конца XV в., Вологодско-Пермской (конец XV в. – первая половина XVI в.), Типографской (конец XV – начало XVI в.), Воскресенской (XVI в.), Львовской (XVI в.), Никоновской, Тверской, Уваровской (XVI в.), Холмогорской (середина XVI в.), Пискаревском (вторая половина XVI в.) и Владимирском летописцах (XVI в.). Происшествие в Исадах читается в краткой и пространной погодной записях, кратком и пространным летописном рассказе³.

Софийская I старшего извода, Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи сообщают о печальном рязанском событии в рамках краткой погодной записи: «Того же лета князь Глѣбъ изби в Рязани братью свою, учинивъ лѣсть»⁴. Слово «лѣсть» в данном контексте прочитывается как «обман»⁵, таким образом книжник указал на то, что правитель Рязанского княжества жестоким обманом пытался завладеть престолом. Отличие составляет также форма имени Глеб: только в Никаноровской летописи оно читается как «Хлбъ», что можно объяснить отражением как графического написания, так и фонетического диалектизма.

Типографская летопись и Пискаревский летописец рассказывают об этом происшествии в пространной погодной записи: «Того же лета Глеб князь резаньский Владимирович и брат его Константин изби братию свою в Рязани, 6 князей единех, у себе на пиру, и бояр ихъ июня 20, а шестаго Изяслава, роднаго брата. А сам Глеб бежа в Половцы»⁶. Оба летописных известия начинаются с краткого сообщения о противоборстве владимирских князей Константина, Юрия и Ярослава за правление во Владимире, а в более подробном описании рязанского события обозначены и дата происшествия, и количество и статус погибших. Форма «6 князей единех» означает, что все князья — двоюродные братья, младший Изяслав — Пронский князь — родной брат главного злоумышленника, потому писатель особо подчёркивает его имя.

Ермолинская, Воскресенская, Львовская, Тверская, Уваровская, Холмогорская летописи и Владимирский летописец повествуют о рязанской усобице в рамках краткого летописного рассказа. Тексты данных летописей практически дословно совпадают в отражении описываемых событий: «Князь Глебъ Рязаньский, наученъ сотоною на братоубийство, со братомъ Константиномъ умыслиша избити всю братью, и всю власть за ся взяти» (Ермолинская летопись)⁷; «Князь Глебъ Рязаньский, наученъ сотоною на братоубийство, съ братомъ Константиномъ умыслиша избыти всю братию, и всю власть Рязанскую за себе взяти» (Тверская

летопись)⁸. Небольшие отличия состоят в фактических и грамматических заменах, которые, скорее всего, свидетельствуют о манере книжника и особенностях письма. В отличие от погодных записей, летописные рассказы раскрывают причину массового убийства: «... всю власть за ся взяти...»⁹, т. е. жестокие и вместе с тем лживые Глеб и Константин пожелали избавиться от самых опасных для них родственников и захватить их волости. Здесь же поимённо перечисляются убитые князья, уточняется отсутствие Ингваря Ингваревича: «Ингварь же Игоревич не успе приити на советъ ихъ, и тако заступи его Богъ отъ лютые смерти» (Львовская летопись)¹⁰, даётся последовательность действий: приглашение на пир («И позва ихъ къ себе, яко на честь пирения, во свой шатерь» (Воскресенская летопись)¹¹, укрытие половцев и дружины за стеной шатра («Глебу же уготовьшу на нихъ множество Половецъ, и своя дворяны, и брата своего, всехъ вооруженых, и сокры ихъ въ постелномъ шатре своемъ близъ того шатра» (Львовская))¹², пир и убийство («И яко начаша напиватися и веселитися, Глебъ же проклятый съ братомъ своимъ повелеша приити убийцамъ тымъ; сами, иземше меча своя, начаша сещи прежь князя, таже и бояры, и дворянъ многое множество избиша»)¹³. Книжник не случайно уточняет порядок убийства: сначала заговорщики лично казнят князей-конкурентов, затем уже их воинство, что свидетельствует о крайне негативной авторской оценке. Потому степень осуждения братоубийц в летописном рассказе явно прочитывается, тогда как в погодной записи только угадывается.

Имеются различия и в подаче материала. Уже первыми словами рассказа (указанием на родство с сатаной) книжник даёт понять, что перед нами — отрицательный персонаж, которому нет оправдания; в погодной записи лишь фиксируется факт совершения убийства. Холмогорская и Тверская летописи не упоминают среди убитых князей пронского правителя с редким именем Кир Михаил, а Владимирский летописец нарекает его Кириллом. Данная неточность, вероятнее всего, вызвана нечастым употреблением такой именной формы, летописец мог опустить непонятную ему часть текста. Тогда как имя образовано путём соединения нарицательного кир «господин» (древнецерковного «кур») и христианского имени Михаил, вероятно, по образцу славянских двусловных имён, где каждая часть обладала собственным значением¹⁴.

Эпизод о кровопролитии в Исадах также представлен пространной редакцией летописного рассказа в Новгородской I старшего извода, Лаврентьевской, Троицкой, Симеоновской и Никоновской летописях и Московском летописном своде конца XV в., которая отличается от краткого варианта риторическим вступлением и эпитетами, носящими отрицательную характеристику. В начале описания книжник помещает риторическое вступление (вольный пересказ библейского фрагмента): «Богъ даетъ власть, ему же хошетъ, и поставляетъ царя или князя вышній, и воздвизаетъ отъ земля нища, и посажаетъ на высокихъ; кто убо противится воли его, или кто речеть противу его; Богъ бо есть, якоже хошетъ, творить. Почто убо забысте Каинова трясения и стенания, и Ламехову казнь, и сродника вашего Святополка погибель?»¹⁵ (Пс. 113: 11). Он напоминает о библейских предшественниках-братоубийцах: Каине и Ламехе, потомке Каина, первом двоежёнце, получившем, по библейскому

преданию, вечную муку за жестокое убийство, несмотря на раскаяние, и русском князе Святополке. Летописец смело осуждает Глеба Рязанского, наделив его эпитетом «окаянный» и уточнив: «...научень сатоною на братоубиство, здумавше въ своемъ окааннемъ помысле, и съ нимъ дьяволъ»¹⁶. В данном случае рязанский эпизод имеет явный религиозный подтекст, в том числе за счёт поучительных сентенций и указаний на библейских персонажей. Трижды летописец говорит о злых мыслях братоубийц: «...здумавъ в своемъ окаяннѣмъ помыслѣ...» — относительно невинно погибших князей: «...они же не вѣдуще злыя его мысли и прелести...», «...развѣ тою зломыслиною князю и ихъ проклятыхъ думець»¹⁷. Как и в летописном рассказе, книжник осуждает убийц, однако, в отличие от него, в пространной редакции степень осуждения многократно подчёркивается.

В Никоновской летописи изложение начинается с достоверного историко-политического по своему характеру напоминания о том, что Владимировичи «пръвие убо сии оклеветаша дядей своих и братью свою и много крови пролиаша, и убийство сотвориша, таже ныне въторое умыслиша избити всю братию...»¹⁸. Возможно, текст принадлежит автору, описывавшему предательство Романа и Святослава и княжичей Ингваря и Георгия Рязанских в противостоянии Рюриковичей (владимирские и рязанские князья) и Ольговичей (киевские правители) в 1208 г. Тогда рязанцы перешли на сторону киевского князя Всеволода Чёрного, воюя против Всеволода Большое Гнездо. В обоих эпизодах ощущается поучительное начало, в текст помещены риторические отступления об овладении дьяволом человеческой души и цитаты из речей царя Соломона и пророка Давида (Пс. 77: 37). Так, рассказывая о поступке рязанских князей, книжник приводит слова Давида: «О сице хъ бо рече Давыдъ: мужъ кривъ и льстивъ не приплюветъ днии своихъ, и мужа неправедна зло уловить во истление; и паки рече: възлюбиша усты своими и языкомъ своимъ сългаша ему, сердце же ихъ не бе право съ нимъ»¹⁹. Цитируемые слова прочитываются в библейском ветхозаветном эпизоде о наказании сынов Ефремовых, отрѣкшихся от Божьего закона и наказанных долгими годами суеты и смятения. Таким образом, летописец проводит параллель между библейскими и средневековыми героями, поправшими не только законы человеческого бытия, но и заповеди Господа.

Интересен данный эпизод в редакции Никоновской летописи и в указании на Ингваря Ингваревича: «...не бе бо еще приспело время»²⁰. По мнению В. Л. Комаровича, автор данного известия, скорее всего, был дружинником князя, знавшим, когда это время пришло — в 1252 г. князь пал в жестоком сражении с татарами. К тому же заканчивается рассказ уточнением, что на престол сел именно Ингварь Ингваревич. Возможно, летописец пользовался несохранившимся Рязанским сводом, о чём свидетельствуют детали, описания и сходство с летописным рассказом от 1208 г.

Итак, происшествие в Исадах читается в общерусских источниках разного объёма и художественного достоинства в рамках краткой и пространной погодной записи и летописного рассказа. Преобладающим является жанр краткого летописного рассказа, что в целом характеризует дошедшие до наших дней рязанские летописные фрагменты. Книжники отмечают количество погибших братьев, причину убий-

ства, намекают на участь Глеба Рязанского. В большинстве источников XV–XVI вв. текст совпадает практически дословно, что может свидетельствовать о существовании общего протографа, — возможно, утерянной ныне Рязанской летописи. Тем не менее наличие описания кровавого побоища почти во всех летописных сводах говорит о важности и значимости его литературного воспроизведения: несмотря на жестокость нравов той эпохи, такое массовое убийство родственников стало беспрецедентной и однозначно осуждаемой трагедией в истории Древней Руси.

¹ Прокофьев Н. И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв. // Литература Древней Руси: межвузовский сб. науч. трудов / сост. Н. И. Прокофьев. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1975. Вып. 1. С. 6.

² Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М.: Товарищество «Земля Рязанская», 1990. С. 59.

³ В исследовании за основу принята классификация типов летописного повествования, предложенная И. П. Ерминым, развитая Д. С. Лихачёвым, В. В. Кусковым, Н. В. Трофимовой, П. Э. Ролландом и др.

⁴ Софийская I летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 6. С. 274.

⁵ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т. 2, ч. 1. С. 68.

⁶ Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1978. Т. 34. С. 82.

⁷ Ермолинская летопись. Родословная книга // Русские летописи. Рязань: Узорочье, 2000. Т. 7. С. 95.

⁸ Рогожский летописец. Тверская летопись. Наказ послам // Русские летописи. Рязань: Узорочье, 2000. Т. 6. С. 359.

⁹ Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1519 г. (Уваровская летопись) // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1963. Т. 28. С. 47.

¹⁰ Львовская летопись // Русские летописи. Рязань: Узорочье, 1999. Т. 4. С. 194.

¹¹ Воскресенская летопись // Русские летописи. Рязань: Узорочье, 1998. Т. 2. С. 171.

¹² Львовская летопись. С. 194.

¹³ Там же.

¹⁴ Гордова Ю. Ю. Имена рязанских князей в русских летописях // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И. И. Срезневского. Рязань: Рязанский гос. ун-т, 2012. С. 157.

¹⁵ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1965. Т. 9. С. 78.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Комарович В. Л. Рязанский летописный свод XIII века // История русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. 2, ч. 1. С. 75.